

Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века (Власть и общество) // Карачаевцы и балкарцы. М., 1999.

Список сокращений

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края

НАА — Национальный архив Армении

РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив

ЦГИА Гр. — Центральный государственный исторический архив Грузии

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Ю.Ю. Карнов

ТРАДИЦИИ И СОВЕТИЗАЦИЯ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, 1920-е годы)

Каждая новая власть устанавливает собственный порядок, как правило, навязывая его населению. Советская власть пропагандировала идеологию власти народа, однако бытовавшие ранее среди населения Северного Кавказа, как, впрочем, и других регионов страны, формы «народного быта» она принимать не желала.

У населения Северного Кавказа особую роль играла общинная система организации жизни. Данный регион в этом плане не исключительный. Конечно же, со своей спецификой, хотя еще реформами 1860-х годов на территории Российской империи была введена практически единообразная (по типу русской общины) система организации власти в сельской местности.

На большей части Северного Кавказа община называется джамаатом или джамиатом. Такое наименование восходит к традициям ислама, под ним подразумевается община верующих, объединенных вокруг мечети. Однако в северокавказской среде данное понятие воспринималось шире. К общинным институтам относился народный сход, на котором обсуждались и решались разнообразные вопросы повседневной жизни крестьян.

При новой власти эти функции должны были исполнять «советы». Соответственно систему надлежало в директивном порядке

менять. В 1920 г., т.е. практически сразу после окончания Гражданской войны, Кавказский комитет РКП(б) разослал в республиканские, окружные и другие инстанции установку, в которой лаконично говорилось: «Добиться ясного понимания взаимоотношения ячеек и Ревкомов. Разрушить понятие “Джамиата” (общества, схода)» [Директивные указания...: л. 119]. Ревкомы были чрезвычайной формой организации власти, однако значительной разницы между ними и советами не было. Джамиат в данном случае подразумевал не столько религиозную общину, сколько сельское общество с присущим ему институтом схода. Неприятие новой властью джамаата (джамиата), скорее всего, объяснялось тем, что подобные сходы проводились по пятницам после посещения мужчинами соборных мечетей. При провозглашенной советской властью лояльности к верующим, в первую очередь к населению восточных регионов страны, на которых делалась ставка в деле развития мировой революции, подобное распоряжение указывало на изрядную долю цинизма в делах новой власти.

Что вышло в итоге? Система новой власти работала настолько плохо, что жители «Страны Советов» не хотели жить при советах. Донесения с мест пестрят соответствующими сведениями.

В партийном документе, составленном в 1926 г. в Черкесии, говорилось: «Необходимо отметить, что при пере выборах Советов граждане больше интересовались тем, кто же будет председателем Совета, а не в целом Советом. Здесь надо отметить, что работа Советов идет не совсем нормально, в большинстве своем все дела решает единолично председатель, в лучшем случае докладывая общему собранию (сходу граждан), или перед проведением того или иного мероприятия опрашивает общий сход, здесь (председатель Совета. — Ю.К.) уже совсем не играет той роли, которую должен играть» [Протоколы № 2–17 заседаний...: л. 112–113].

Подобная картина объяснялась тем, какие люди пришли к власти.

В эти годы публицист из центра нарисовал своеобразный портрет общественника новой формации: «Есть глухие места (в Дагестане. — Ю.К.), где секретарями партячеек выбирали, устраи-

вая состязания, наиболее ловких джигитов, танцоров. <...> Это логически вытекало, впрочем, из довольно распространенного в горах, очень наивного, почти детского бесхитростного представления о коммунисте вообще: в сознании горцев коммунист очень часто рисуется как неустрашимый и гордый, с ног до головы обвешанный оружием воин, вставший на защиту бедноты и одного за другим в совершенно фантастическом числе нанизывающий на свой чудесный кинжал царских генералов и “меншайвиков“» [Зорич 1929: 60–61].

Публицист, очевидно, упрощал ситуацию. Однако в определенной степени описанное им соответствовало реалиям, так как при инспекторских проверках окружных и сельских парткомитетов регулярно отмечалась неподготовленность кадров. «Многие товарищи коммунисты, работающие на местах, политикой куначества (куначества. — Ю.К.) перед народной массой подорвали авторитет делового коммуниста» [Протоколы совещаний...: л. 30]. Кроме того, «на должностях» оказывались люди, по своему имущественному и социальному положению далеко не соответствовавшие подобной роли. А по представлениям крестьян, человек, не способный обеспечить собственный достаток и быт, не должен «управлять» другими. Центр же давал установку на «обеднячивание» власти на местах.

Неудовлетворительная работа сельских советов при одновременном активном использовании крестьянами старых общественных институтов наблюдалась по всей стране. Некто А. Белобородов (точных сведений об этом человеке я не нашел, но в архивах сохранились составленные им для высших инстанций экспертные оценки по разным социально-политическим и экономическим вопросам) в сентябре 1926 г. представил в ВКП(б) (копии Сталину, Молотову, Косиору и Швернику) пространную докладную записку о положении в этой области советского строительства. В ней указывалось, что «соотношение политических сил, действующих в рамках нашего государственного устройства в деревне, не исчерпывается советской организацией, что это соотношение при наличии установленных нашим Земельным Кодексом правил, относящихся к “земельному обществу”, и при

наличии действующих в силу обычного права сельских сходов сказывается также и в этих организациях <...> В этих организациях, формально и по существу демократических, кроется в неизмеримо большей степени, чем в советах (при всех уклонах и извращениях, которые допускаются или могут допускаться при организации советов, т.е. при пере выборах) значительная опасность завладения руководящей роли кулацкими и антисоветскими элементами деревни».

Происходило это потому, что в земельное общество, решавшее важнейшие вопросы крестьянского хозяйства, входили представители всех слоев деревенского населения — кулаки, середняки и бедняки, и занятие в нем руководящих позиций кулаками формально ничем не было ограничено. То же наблюдалось и в институте сельского схода населенного пункта, в большинстве случаев территориально совпадающего с земельным обществом. «Весьма характерна, — писал А. Белобородов, — одна подробность, устанавливающая взаимоотношения демократического земельного общества с недемократическим (я понимаю здесь демократию как формальный принцип) сельским советом: если границы земельного общества совпадают с границами сельсовета, то последний становится исполнительным органом первого». А прямая взаимосвязь земельного общества и сельского схода предопределяет то, что сельские сходы создают свои исполнительные органы, выбирают «уполномоченных», «старших по деревне» и т.п., во многом дублирующих действия представителей советских органов, но пользующихся большим авторитетом среди населения, ибо они осуществляют «непосредственную защиту крестьянских интересов».

Белобородов настаивал на тщательном изучении «взаимоотношений сельсовета — с одной стороны, и сельского схода и земельного общества — с другой» [Материалы Наркомвнудела...: л. 17–18].

Правительство довольно быстро отреагировало на высказанные автором этого документа (а вероятно и другими лицами) замечания. Появившийся 14 марта 1927 г. законодательный акт ВЦИК и СНК РСФСР легализовал общие собрания граждан сель-

ских местностей. В нем говорилось: «В целях наиболее полного вовлечения трудящихся масс деревни в работу по советскому строительству, а также в целях упорядочения этой работы в сельских поселениях и придания ей планомерности и организованности...» Далее значилось, что на таких сходах не могли ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний членов земельного общества, действующих на основании Земельного Кодекса, и наоборот. Оговаривался регламент созыва и проведения сходов: в норме сход созывал сельсовет, но правом инициативы созыва схода обладали и граждане, если их было не менее пятой части жителей села, не лишенных избирательных прав [Собрание узаконений... 1927: 598–600].

На местном уровне на данное «Положение» прореагировали надлежащим образом. Руководство Кабардино-Балкарии сочло его «вполне отвечающим местным условиям» [Протоколы и выписки...: л. 230 об.].

Принятие указанного документа с очевидностью свидетельствовало, что советская система организации власти на местах, утверждавшаяся уже на протяжении десяти лет, буксовала. Появление данного постановления делало отсылку к общинным порядкам. Вместе с тем сельский сход, не имевший права решать вопросы землепользования, плохо вписывался в систему общины и ее институтов. Т.е. это была внешняя уступка былым общинным началам «мироустройства» крестьянской жизни, крестьянству как таковому — преобладавшему в составе населения страны.

Узаконение сходов привнесло новые формальности в отчетность сельских советов. Теперь им надлежало докладывать в вышестоящие инстанции о количестве проведенных общих собраний и активности на них граждан [Областной комитет...: л. 3].

Одновременно с установкой на «обеднячивание» Центр указывал на необходимость борьбы со «стариковством». Для Кавказа, где по традиции авторитет представителей старшего поколения почти непререкаем, это было сложно осуществить. Компромисс нашли в организации «слетов стариков». В Черкесии они проводились регулярно, партконференции со знаменем в руках приветствовали группы стариков [Протокол областной конферен-

ции...: л. 2]. В Кабардино-Балкарии (правда, уже в 1930-е годы) проводились слеты стариков и старух. Исаак Бабель, посетивший в те годы эту автономию, писал в письме матери: «Они (старики и старухи. — Ю.К.) теперь главные двигатели колхозного строительства, за всем надзирают, указывают молодым, ходят с бляхами, на которых написано “Инспектор по качеству“, и вообще находятся в чести» [Пирожкова 1989: 253].

Новая власть требовала раскрепостить якобы закабаленную женщину Востока. Это в какой-то мере получалось. Из журнальной публикации конца 1920-х годов: «Прибывший сбрасывает папаху. Собрание ахает. Женщина!.. Женщина-ингушка осмелилась надеть мужской бешмет, черкеску, папаху! Сесть верхом на коня и скакать! Это — активистка-общественница сел. Плиево Плиева Залейха прискакала сюда в Яндырки, чтобы повидать завоблжен-отделом и лично доложить о ходе отчетно-перевыборной кампании у себя в селении. Залейха — дочь известного организатора и руководителя мусульманской секты — Батам-хаджи» [Дочь Батам-хаджи 1929: 79]. А партийную конференцию Кабардино-Балкарии приветствовали сорок пять «Ворошиловских всадников», в числе которых было 25 девушек [Протокол XVI конференции...: л. 3].

В целом получалась довольно пестрая картина, в которой старое и новое совмещались подчас довольно нелепо. На 1929 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) установил список нерабочих дней, в который были включены праздники:

— гражданские (1 января — Новый год), революционные (22 января — День 9 января 1905 г. и день памяти смерти Ленина, 12 марта — День низвержения самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 1–2 мая — День Интернационала, 7–8 ноября — XII годовщина Октябрьской революции);

— религиозные: мусульманские (13 марта — Рамазан-байрам (ураза), 20 мая — Курбан-байрам) и христианские (6 мая — 2-й день Пасхи, 24 июня — Духов день, 6 августа — Преображение, 25 декабря — Рождество), общим числом 14 [Протоколы бюро обкома...: л. 113].

В 1930-е годы положение существенно изменится. Колхозное строительство станет реальным механизмом советизации быта

крестьян и соответственно насильственного «отмирания» разнообразных «традиций» (даже именование жителей по названиям населенных пунктов очень часто будет заменяться именованием их по названиям колхозов).

Источники

Материалы Наркомвнудела РСФСР, докладные записки в ЦК ВКП(б) о взаимоотношениях сельских советов с сельскими сходами, о заработной плате милиции, переписка по кадрам и другим вопросам // Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 85, д. 123.

Директивные указания Центрального комитета партии, Кавказского бюро ЦК РКП(б), Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Кавказского краевого комитета, Дагестанского обкома РКП(б) партийным организациям по вопросам организационно-партийной и хозяйственной работы // Центральный государственный архив Республики Дагестан, ф. п-1, оп. 1, д. 4.

Протоколы совещаний заведующих оргинструкторскими отделами областных и губернских комитетов РКП(б) Кавказа и Дона. Заседания ответработников Дагестана. Резолюция Кавказского краевого партийного совещания // Там же, ф. п-1, оп. 1, д. 6.

Протоколы № 2–17 заседаний бюро Черкесского окружкома ВКП(б) // Филиал документации новейшей истории государственного архива Карачаево-Черкесской Республики, ф. п-1, оп. 1, д. 22.

Протокол 3-й областной конференции РКП(б) // Там же, ф. п-1, оп. 1, д. 20.

Протоколы и выписки из протоколов Президиума Облисполкома, материалы IV–VI областных съездов советов КБАО // Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики, ф. р-16, оп. 1, д. 100.

Протоколы № 4–29 заседаний бюро обкома. 1929 г. // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики, ф. 1, оп. 1, д. 85.

Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом юстиции. М., 1927. № 51.

Библиография

Дочь Багам-хаджи // Революция и горец. 1929. № 5.

Зорич А. В стране гор. М.; Л., 1929.

Пирожкова А.Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989.

А.Х. Курмансеитова

**ТРАДИЦИИ КУНАЧЕСТВА У ОГАЙЦЕВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ НОГАЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ
А. УМЕРОВА)**

Куначество — обычай, в прошлом широко распространенный на Востоке, когда мужчины, принадлежащие к разным родам, племенам или народностям, вступали в дружеские отношения и оказывали друг другу безвозмездную помощь. Слово *куначество* восходит к тюркскому слову *кунак* (гость), (ср. ногайск. 'конак' — гость). Хозяин дома, принимая кунака, не только гарантировал безопасность ему, но и обеспечивал сохранность его имущества.

О бытовании традиции куначества у ногайцев свидетельствует обширная историография. В данной статье мы рассмотрим этот обычай на примере жизни известного ногайского ученого, редактора и книгоиздателя Абдрахмана Исмаиловича Умерова (1867–1933) из рода найман. Он поддерживал обширные связи с мусульманской интеллигенцией России, общался с известными просветителями Исмаилом Гаспринским, Загиром Рамиевым, Фатихом Карими, Муссой Бигиевым и многими другими. В его доме в Астрахани останавливались гости из Поволжья, с Урала, Кавказа и других регионов России. А. Умеров, рискуя собственной жизнью, неоднократно оказывал бескорыстную помощь друзьям.

27 января 1907 г. в редакции казанской газеты «Танг Юлдуз» («Утренняя звезда») жандармы провели обыск и выявили воззвания антиправительственного содержания на татарском языке. В связи с этим редактор газеты «Танг Юлдуз» С. Рамеев «подлежал дознанию, но из Казани скрылся» [ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 2458, св. 123, л. 27]. Сагиду Рамееву удалось избежать ареста. В результате преследования департаментом жандармерии он вынужден был выехать в Астрахань, где Абдрахман Умеров принял его со-